

УДК 314.334.52

*В.Б. Звоновский**

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ В СОЦИАЛЬНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

Статья посвящена анализу современных представлений о пространстве в социологии и других социальных науках. В основе этих представлений, во-первых, более или менее генерализированный индивидуальный опыт повседневного переживания пространства, во-вторых, некоторая совокупность представлений о нем, сформировавшихся в данном обществе, в целом стремящаяся к логической непротиворечивости точных наук (физики и математики). Социологическая традиция исследовала преимущественно вторую составляющую этих представлений, согласно которой дифференциация и членение пространства есть проекция социальной дифференциации на физическую поверхность.

Ключевые слова: пространство, социальное пространство, повседневность, социальная коммуникация

При изучении взаимодействия между пространством и обществом («пространственности социального взаимодействия») современная социологическая теория исходит из того, что общество (и индивид) наблюдает то пространство, которое общество сконструировало в данный исторический момент в ходе своей деятельности [1–3]. Это касается как научных и религиозных представлений [4–6], так и повседневного восприятия пространства [6, 7].

Тем не менее, вероятно, существуют аспекты специфически индивидуального восприятия, которые в той или иной степени конфликтуют с представлениями социума. Причем это касается не только восприятия пространства. Возникающий конфликт между индивидуальным сознанием и тем, что условно можно назвать социальным (или общественным) сознанием, в отношении восприятия самого широкого спектра внешних человеку объектов и событий находится в фокусе внимания многих исследователей, начиная с Э. Дюркгейма [1, 8] и заканчивая Р. Мертоном [9], см. также работу Л.Е. Кегельмана [10].

Источником этого фундаментального конфликта является физическая определенность человека и его места в пространстве. Родившись, человек изначально определен в пространстве уже в силу того, что имеет тело. Причем таким образом, что располо-

* © Звоновский В.Б., 2010

Звоновский Владимир Борисович (Zvonovski.Vladimir@fond.sama.ru), президент Фонда социальных исследований, 443041, Россия, г. Самара, Красноармейская, 70.

жение его в одной точке пространства исключает нахождение в этой точке других объектов, необязательно обладающих органической природой. Проникновение таких объектов в область пространства, занятую индивидом, может стимулировать последнего (помимо противодействия такому проникновению) к уходу из этой области либо может попросту уничтожить данного индивида. Один этот факт делает пространство непосредственным участником социальных взаимодействий. Поэтому социальное взаимодействие необходимым условием включает в себя взаимодействие индивидов как физических тел [11–13].

Основная масса исследователей пространства в социальных науках исходит (или отталкивается, не соглашаясь) из положений кантовской философии и его представлений о пространстве как форме чистого созерцания, очищенного как от понятий рассудка, так и от воздействия ощущений [14, с. 48–49]. По мысли Канта, «пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств» [14, с. 52], т. е. единственное и необходимое условие для восприятия внешних явлений. Другим важнейшим элементом кантовских представлений о пространстве было положение о предзаданности (Кант говорит «данности») пространства и о невыводимости его из опыта. «Сам внешний опыт становится возможным, прежде всего, благодаря представлению о пространстве [14, с. 50].

Действительно, взаимное расположение тел, наличие у них протяженности невозможно устранить из самих основ человеческого знания, которое доставляет повседневный опыт. Реляционные характеристики тел как таковых, и в частности самого человека, не позволяют ему игнорировать расположение тел, наличие среды их взаимодействия. В этой среде протекает индивидуальная повседневная практика, она является жизненной средой для человека и в то же время остается внешней по отношению к нему. Кант пишет по этому поводу: «Наши истолкования показывают реальность пространства в отношении всего, что может встретиться нам вне нас как предмет [14, с. 53].

Совсем иным является пространство как «данное». Поскольку оно предзадано, его существование невыводимо из опыта, постулировано. Но такое пространство зависимо от разума (в кантовском смысле), ибо абсолютно. Кант утверждает «идеальность пространства в отношении вещей, если они рассматриваются разумом самим по себе» [14, с. 53]. Где бы оно ни находилось, оно имеет ту структуру, ту размерность, то наполнение, которое приписывает ему разум. В роли такого понятия пространства у Канта выступает пространство геометрии Евклида («пространство имеет только три измерения» [14, с. 52]), т. е. одного из многих пространств, могущих быть сконструированным разумом. Иначе говоря, это совсем не то пространство, о котором Кант говорил как о непосредственном окружении человека.

Первое пространство — это внешность человеческого тела, среда его взаимодействий с другими телами и наблюдаемого взаимодействия тел друг с другом. Знание этого пространства доставляет человеку повседневный опыт. В строго научном (естественнонаучном) смысле этого слова это даже не пространство. Второе пространство — это один из многочисленных вариантов пространств, понятиями которых насыщены точные науки. Представление о нем, возможно, не является научным, но опирается на него и усвоено в ходе социализации индивида, в частности, образования и массовой коммуникации. Разные эпохи и разные общества формировали у принадлежащих им индивидов разные воззрения на пространство.

Как видим, в самом представлении о пространстве содержится, по сути дела, два его понятия. Первое имеет своим источником повседневный опыт индивида, второе — результат социального конструирования, осуществляемого на основе отчасти научных представлений, отчасти — совокупности индивидуальных практик, но главное — посредством социальной коммуникации. Смешение двух понятий пространств приводит к невероятной путанице, свойственной большинству работ в этой проблематике.

Совокупность общественных связей, существующих в жизненном пространстве индивида, определяет (доопределяет) то, что представляет собой он и его окружение, в том числе с точки зрения его собственного восприятия этих отношений. В отношении индивида Г. Зиммель дает этому характерный термин — «пелена». Пелена есть социальное значение или множество таких значений, приписываемое индивиду его социальным окружением. «Эта пелена не просто заволакивает своеобразие личности, но, образуя с индивидуальностью личности некий сплав, придает ей новую форму» [15, с. 516]. То же самое происходит с тем пространством, в которое погружен человек: ему приписана масса социальных значений, часть из которых имеет своей причиной повседневную жизненную практику индивидов, часть — научные представления об этом пространстве, часть — конструкты, сформированные социальной коммуникацией.

Таким образом, и индивид, и пространство, его окружающее, являются в значительной степени результатом социального взаимодействия. Пространство не воспринимается как пространство вне социума, так же как и человек не являет нам всего своего содержания вне человеческого сообщества. Тем не менее мы не вправе утверждать, будто социализация пространства может целиком устранить из его определения физическую составляющую. Подобно тому, как и человек имеет свои стороны индивидуального, сохраняемые, как выразился Г. Зиммель, в «необобществленном» состоянии [15, с. 517]. Подобно тому как под личностью понимается социальное существо, в котором сочетается социальное и индивидуальное, так и понятие пространства в социологии должно сочетать и физические, внесоциальные характеристики, обусловленные материальной природой пространства, и значимые социальные смыслы, приданные всему пространству и его частям данным обществом в определенный период времени.

Понятие пространства в естественных науках является моделью физических процессов, целиком взятое из математики, конкретно — из геометрии Евклида [16, с. 41]. В математике оно является «логически мыслимой формой». «В современной математике пространство определяют как множество каких-либо объектов — точек, множеств, функций, состояния физических систем» [17, с. 504]. Иначе говоря, трехмерное пространство Евклида является логической конструкцией, одной из многих подобных. Существует безмерное множество других пространств, как имеющих какой-то физический смысл (например, четырехмерное пространство-время, представляющее собой пространство событий), так и не имеющих его (например, многочисленные пространства множеств).

Перенесенное из естественных наук в социологические теории понятие **социального пространства** используется в двух основных смыслах. Во-первых, это — некоторое пространство в смысле Евклида и Ньютона, обычно — поверхность Земли (плоскость), где происходят какие-то социальные процессы. Его можно назвать «социализированным» физическим пространством, оно открывается в той или иной степени всем членам данной социальной общности и в этом смысле является представлением этой общности о пространстве. Этот подход в наибольшей степени свойствен воззрениям на пространственное взаимодействие Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и других теоретиков.

Во втором случае под социальным пространством понимается некоторая логическая конструкция, подобная метрическому (евклидову) пространству, пространству событий (Эйнштейна) или, например, пространству множеств. Социальное пространство суть абстракция реальных позиций и диспозиций социальных субъектов, абстракция того же уровня, что и физическое пространство. Конечно, поскольку это — абстракция, то оно не может быть представлением о пространстве, присущим той или иной общности, а, скорее, является социологической теорией пространства и в таком виде суть взгляд на пространство самих социологов.

В подавляющем большинстве теорий, известных из математики, где доминирует второй подход, социальное пространство определяется с помощью формальных усло-

вий существования такого пространства. Согласно им пространство описывается тремя основными признаками: должно быть описано множество точек пространства; указаны оси пространства, вдоль которых изменяются свойства точек пространства и доказана их ортогональность; введено понятие расстояния между точками и описаны правила его измерения. Переменными (осями) в таком пространстве становятся какие-либо принятые в социологии переменные – социальный статус, экономический ресурс, административная власть и др. [18]. Аналогом тел здесь становятся индивиды и социальные группы, перемещающиеся под воздействием других индивидов и групп и в результате взаимодействия с ними. Попытки построения «пространственных» теорий в социологии происходят регулярно. Наиболее известной из них является теория П. Бурдьё.

В концепции П. Бурдьё социальное пространство выступает в качестве центральной категории. «Социальное пространство – абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств... которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала... Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп...» [3, с. 40]. Несмотря на то что иногда П. Бурдьё прямо проецирует свою конструкцию на физическое пространство, «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства» [3, с. 41], однозначной проекции в физическое пространство из социального пространства не существует. Он лишь фиксирует изолированные фрагменты такой проекции: богатые и бедные районы города, развитые и отсталые провинции страны и т.д.

Социальное пространство Бурдьё можно было бы понять не как умозрительный источник для проекции на физическое пространство, а отнести к разряду формально-логических конструкций. Но сам автор теории нигде не доказывает ортогональность осей любого из постулируемых им подпространств и не указывает на размерность последних. Таким образом, следует согласиться с оценкой теории П. Бурдьё как своего рода метафоры, поскольку процедурно она не осуществима, но как удобная модель вполне уместна.

Сложность анализа понятия пространства как научной категории во многом вызвана его широким использованием в повседневной индивидуальной и социальной практике. Очень часто оно оказывается неотрефлексированным, спонтанным, некритичным. Историю восприятия пространства в обыденном сознании можно описать как процесс абстрагирования представлений о нем, очищения его от социальных конструктов: мифологических богов и героев, религиозных образов и мест и т. п. Так, античный человек был целиком вписан в мир мифа, он ежедневно мог общаться с богами, обращаться к ним за помощью, небесный и земной мир представляли собой одно и то же пространство [19, с. 412; 20] – надо сказать о разделенности зон и их общении. Разумеется, это пространство зонировалось, в нем были зоны сакрального и профанного, но человек был вписан во все пространство Космоса, равно космические объекты (боги, герои и пр.) были вписаны в повседневность.

Специфическое зонирование пространства характерно и для средневековья. Да и современное обыденное сознание формулирует свою «неформальную геометрию», в пространстве которой нет незанятых мест – там, где заканчивается место, занятое одним телом, начинается место, занятое другим телом [21, с. 28]. В результате мир представляется пространством смыслов, все, что не имеет смысла, не имеет места в этом мире.

Обыденные представления о пространстве, которые во многом определяют и философские постулаты, носят преимущественно несвязанный, фрагментарный характер и именно в таком виде чаще всего и попадают в социологические теории.

Среди различных видов социального взаимодействия в пространстве можно выделить две группы. С одной стороны, это взаимодействия, осуществляемые путем обменов товарами и услугами, т. е. физическими телами по земной поверхности, а, точнее, по определенным линиям в этом пространстве, по которым в данный момент и в данной форме можно осуществлять перемещение. Например, определенные виды товаров можно перемещать лишь по специально охраняемым дорогам или при наличии аналогичного охранного сопровождения и совершенно невозможно вне таких условий. Пространство в этом случае зонировано, и в нем фиксируются места размещения индивидов и социальных групп. С другой стороны, это взаимодействие, опосредованное символическими обменами, например, информацией, финансовыми ресурсами и т. п.

Очевидно, что размещение в физическом пространстве, например на земной поверхности, теряет былое значение, характерное для обществ, где обмены осуществляются преимущественно посредством товарных обменов. Наоборот, наличие информационных, финансовых и иных значимых сегодня ресурсов делает возможным территориальную деидентификацию, нахождение везде и нигде. Это присуще обществам, где обмен информацией доминирует над товарными обменами, а коммуникация как бы отслаивается от обменов, опосредованных земной поверхностью.

Это не «отменяет» пространство, как кажется на первый взгляд, поскольку сохраняется непосредственный индивидуальный опыт пространства, а модифицирует пространство за пределами этого опыта таким образом, что устраняет из него понятие расстояния, а, значит, и отличие индивидов по их удаленности. Отменяется не пространство, а локальная (шире – территориальная) общность, ослабляется идентификация индивида, социальных групп с определенной территорией, географическим местом. Дальнейшая эволюция состоит, видимо, в элиминации национальной общности, процессе, получившем название «глобализация».

Переход от первого способа взаимодействия ко второму представляет собой, вероятнее всего, следствие эволюции общества от доинформационных к информационным. Ослабление локальных взаимосвязей, подмеченное еще Ф. Теннисом [22] и Э. Дюркгеймом, не имело такого разрушительного для территориальной идентичности результата до тех пор, пока обмены имели материальную составляющую, и участие в них подразумевало коммуникацию с представителями данной локальной общности. По мере вытеснения материальных тел из обменов роль локальных, а затем и национальных общностей уменьшается [7].

А вследствие того что социальная коммуникация приобрела характер массовой, ее аудитория теперь представляет собой анонимных и разрозненных (социально и пространственно) индивидов, из-за чего она вынуждена оперировать знаками и символами, понятными всем или большинству реципиентов. Унификация и стандартизация таких образов еще более усиливают деидентификацию индивидов и целых социальных, в том числе локальных и национальных, групп.

Теперь взаимодействия индивидов происходят в основном двумя путями: либо в ходе повседневного опыта в пространстве, либо путем символической интеракции с локальной сетью социального взаимодействия, в которой в обобщенном виде представлен и локальный, и национальный, и глобальный уровень информационных обменов. Пространство как бы замкнулось вокруг данного индивида, в его локальной социальной сети, которая и презентует ему всю глобальную сеть, а вовсе не отменяет ее. Узлы локальной сети замещаются узлами, доставленными из глобальной сети, являющейся информационно бесконечной средой для индивида, из которой он черпает символически обобщенную коммуникацию.

Возник феномен «глобальной деревни», т. е. более или менее широкой и замкнутой социальной группы, непосредственные связи внутри которой заменены каналами

(по большей части, технологическими) социальной коммуникации. Причем эта группа сохраняет некоторые значимые характеристики традиционного общества: взаимосвязанность различных его частей, даже разделенных огромным расстоянием, и ментальная доставка сообщений (в эпоху Интернета – практически любой степени важности) в любой уголок земного шара [23]. Технологически измененная структура пространства сформировала иную социальную структуру. Точнее, они вместе формировали и определяли друг друга.

Но тем не менее пространство остается реальностью, отношение к которой изменяется от общества к обществу, от эпохи к эпохе. Опыт пространства, сложившийся на данный момент и интернализированный в ходе социализации и образования индивида, не в состоянии вытеснить индивидуальный опыт, доставляемый повседневной практикой. Две составляющие опыта противостоят друг другу. Конфликт между ними позволяет выявлять некую реальность, лежащую «за» тем и другим.

Таким образом, дуальность представлений о пространстве, обозначенных еще Кантом, сохраняется и в мире, сформированном массовой коммуникацией: миру индивидуального опыта пространства противостоит (или дополняет) мир социального опыта пространства. Индивидуальный опыт будет всегда взламывать социальный, откуда бы последний ни исходил. Пространство, каким бы оно ни представлялось в социальной коммуникации, никогда не совпадает с повседневным опытом индивида. Более того, сам социальный опыт хотя и унифицировал пространство, но не отменил его. Поэтому нам трудно согласиться с Харвеем, провозглашающим «сжатие пространства» [23]. Современная коммуникация устранила из пространства темпоральный и материальный аспекты, но сами по себе социальные связи, тем не менее, опосредованы пространством, а, значит, зависимы от него.

Как показало проведенное исследование, источники современных представлений о пространстве в социологии и других социальных науках носят двойственный характер. С одной стороны, это более или менее генерализированный индивидуальный опыт повседневного переживания пространства. С другой стороны, это некоторая совокупность представлений о нем, сформировавшихся в данном обществе, в целом стремящаяся к логической непротиворечивости точных наук (физики и математики). Социологическая традиция исследовала преимущественно вторую составляющую этих представлений, согласно которой дифференциация и членение пространства есть проекция социальной дифференциации на физическую поверхность.

Тем не менее социологи не редуцируют пространственный аспект социального взаимодействия к факторам исключительно социального происхождения. Еще Э. Дюркгейм и Г. Зиммель указывали на активное влияние собственно пространства и физических расстояний на характер и силу социального взаимодействия. Представляется, что изучение именно этого влияния позволит обнаружить и исследовать новые формы социального взаимодействия.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее метод, цели и назначение / пер. с фр. М.: Канон, 1995. 432 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
3. Бурдьё П. Социология политики. М.: Социо-Логос, 1993. 336 с.
4. Койре А. Очерки истории философской мысли / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989, 296 с.
5. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 311 с.
6. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69–80.

7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2003. 464 с.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. М.: Канон, 1995. 432 с.
9. Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 379–447.
10. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Межпоколенческий сдвиг индивидуального оптимизма/пессимизма в современном российском обществе // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. С. 113–120.
11. Быховская И.М. Homo somaticus: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 208 с.
12. Hall S. Encoding/decoding // Culture, Media, Language. London: Hutchinson, 1980
13. Лиотар Ж.-Ф. Условия постмодерна / пер. с фр. Н. Шматко. М.: Алетейя, 1998, 160 с.
14. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 590 с.
15. Зиммель Г. Как возможно общество? / пер. с нем. А. Филлипова // Зиммель Г. Избранное. М.: Юристъ, 1996.
16. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. М.: Мир, 1977. Т. 1–2. 438 с.
17. Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. 847 с.
18. Математика в социологии: моделирование и обработка информации / пер. с англ. Л.Г. Черного; ред. А.Г. Аганбегян, Ф.М. Бородкин. М.: Мир, 1977. 552 с.
19. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990, С. 393–600.
20. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. 223 с.
21. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
22. Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.
23. Harvey D. The Condition of Postmodernity. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

*V.B. Zvonovskiy**

IDEAS ABOUT SPACE IN SOCIAL AND EXACT SCIENCES

The article is dedicated to the analysis of present-day ideas related to space in sociology and other social sciences. The basis for these ideas is, firstly, more or less generalized individual experience in everyday feeling of space, secondly, some idea-complex formed in that society, which is generally aiming at logical consistency of exact sciences (physics and mathematics). Sociologic tradition studied preferably the second component of these ideas, according to which space differentiation and articulation is the projection of social differentiation on physical surface.

Key words: space, social space, everyday life, social communication,

* *Zvonovskiy Vladimir Borisovich* (Zvonovski.Vladimir@fond.sama.ru), Social Research Fund, Samara, 43011, Russia.